

Сов. письма, 1978, 22 сентября

Е. МАЛЬКЕВИЧ

БУДЬ МОЕЙ ЧАЙКОЙ,

Мосфильмовцы хорошо знают Елену Манаровну Малькевич, ветерана нашей студии, председателя товарищеского суда, автора нескольких книг.

Сегодня мы познакомим наших читателей с главой из новой книги Е. М. Малькевич «Всегда — ожидание», только что выпущенной «Военным издательством».

Столбовой дремал, а в нем продолжал звучать особенный, ли на чей не похожий, не изменившийся за многие годы голос Марины. Его единственной незаменимой Марины. Все двадцать лет, с тех пор, как познакомились, он испытывал радостное волнение, услышав ее голос. Он не задумывался, что именно волнует его в голосе Марины: особенный ли грудной тембр или теплота слов, которые находит она для своего Данько. Ее голос напоминал Богдану Платоновичу журчание ручья и стрекотание кузнечика.

Богдан Платонович вырос в дружной семье. Сам был счастлив в супружестве и желал того же семьям друзей и сослуживцев.

В юности он, общительный, веселый, энергичный, нравился девушкам. Часто сам увлекался. Школьником ухаживал за сверстницами, танцевал с ними на вечеринках, приглашал в кино, провожал домой. После выпускного бала, на рассвете, впервые поцеловал девочку. Но это были эпизоды на пути к взрослости, не вызвавшие глубокой душевной тревоги, ни разу не захватившие юношеское сердце. Настоящая любовь пришла внезапно.

Они познакомились в Киеве. Он учился в военно-политическом училище, она приехала на каникулы к родителям. Однажды морозным вечером Богдан с удивительной в кармане шел долой к приятелю, куда ходил довольно часто. По дороге Юрий сказал:

— Сегодня к сестре придет подружка, Марина, бывшая одноклассница, теперь студентка ВГИКа. Колочая ежика и наשמница. Будь начеку. Веселая компания встретила курсантов в передней. Среди

юношей и девушек, с которыми Богдан уже встречался, была и Марина. Она оживленно заговорила с Юрой:

— Невероятно! Юрка, ты взрослеешь, и мужаешь от встречи к встрече. Боюсь, когда увижу тебя в офицерской форме, не узнаю.

Богдан исподтишка разглядывал будущую киноактрису. На Марине была белая, в голубую полоску блузка строгого покроя, голубая шерстяная юбка, обтягивающая широкие бедра. Тонкая талия пережата лаковым поясом. На ногах черные лакированные туфельки. На груди две нитки стеклянных граненых бус: белая и голубая. Сама — естественная, блондинка, подстрижена под мальчика. На лице — ни грима, и пудры. Светлые глаза, неброские черты лица. Богдан подумал, что летом, вероятно, лицо «актрисы» усыпано веснушками.

— Марина, познакомься с моим товарищем. — Юра подвел к ней Богдана.

В семье и в школе Богдана все называли Данько. Когда он поступил в училище, отрекомендовался товарищам Даном. И сейчас, представляясь Марине, сказал:

— Дан Столбовой.

— Повторите! — сказала Марина так отрывисто, что трудно было уловить, попросила или приказала.

— Дан Столбовой, — отчеканил он, не выпуская теплой руки девушки. — Полное имя —

Богдан Платонович. Единственный сын достойных родителей. Брат двух сестер. Курсант. Холост. До прошедшей минуты ни в кого не влюбленный.

— Благодарю за отличный рапорт. Он принят. — Марина засмеялась, потом взяла Богдана под руку и повела в комнату. Склонив голову в сторону от Богдана и скосив на него глаза, спросила тоном экзаменатора:

— Как понять ваши слова, товарищ будущий моряк, «до прошедшей минуты ни в кого не влюбленный»? Значит, сейчас кто-то пошатнул вашу уверенность?

— Вы угадали, Марина, меня захватили воспоминания. Увидев ваши бусы, с тонким вкусом подобранные ко всему наряду, я вдруг вспомнил одну хохлушечку и почувствовал, как что-то кольнуло в правый желудочек моего неподдающегося сердца. Даже испугался: неужели влюблюсь? Затоскую? Неужели прощай свобода?

Марина села на диван, предложила Богдану сесть рядом, произнесла уже серьезно, без иронии:

— А я, знаете, затрудняюсь определить свою национальность. Русская, украинка или цыганка?

— Цыганка? При вашей-то каурой масти? Извините, я потомуственный лошадики, поэтому часто вместо «блондинка», «шатенка», «русая» говорю «пегая», «вороная», «каурая».

— Благодарю за просвещение! Запомню, что моя масть каурая. Я собственный конюшни не имела. Люблю собак и поэтому, встретив человека, стараюсь определить, к какой из пород он наиболее близок. К той, которая подозрительна и осторожна, или к той, которая зла и набрасывается на всех подряд.

— Я слышал, будто собака всегда чем-то похожа на своего хозяина. У вас есть собака?

— Есть! Сенбернар.

— Явное несоответствие! Сенбернары добродушные, спокойные, очень привязчивые к человеку. И в габаритах несходство: сенбернар — скала, а хозяйка — скрипочка. Так при чем же цыгане?

Они говорили друг другу колкости, но не пытались прекратить беседу. Занятые собой, они не обращали внимания на музыку, на танцующих, на перемещение друзей, которые с улыбкой поглядывали на них.

— К цыганам я отношу себя по образу жизни: много кочую. Родилась в Киеве. Отец был русский, работал на обувной фабрике. Мать — украинка, парикмахер. В начале войны мама увезла меня на Алтай, к родственникам. Там я училась в Усть-Коксе, на берегу Катуня. Сказочный край! Русская Швейцария! И люди там хорошие. Там получили мы похоронную на отца. После войны мама опять вышла замуж. Отчим — алтаец, шофер, замечательный человек.

Мы возвратились в Киев. Здесь закончила десятилетку, теперь учусь в Москве. Куда потом забросит судьба, не представляю. — Хотите, я предскажу вам будущее?

— Хочу! — вскрикнула Марина. — Узнаю, насколько сильны вы в астрологии.

— Ваш путь из Белокаменной лежит сначала в далекий край земли нашей, на дикий берег океана, где живут непуганные птицы и звери, где люди ходят в черных бушлатах и шинелях. Потом вы увидите берег теплого моря. А может быть, попадете в тундру, где будете любоваться северным сиянием и нетерпеливо ждать солнца после долгой ночи.

— Не исключено, что я побываю в этих местах, только на киносъемках. Постоянно жить там мне вряд ли придется, там нет киностудий.

— Вы поедете туда не ради искусства, а за человеком, которого выберете себе в мужья.

— Это исключено! За мужем не поеду. Не смогу быть только спутницей.

— Вот как! Значит, спорить не о чем. Пойдемте танцевать.

Они веселились наравне со всеми, но впервые Богдан почувствовал щемящую тоску. Провожать Марину не пришлось: она жила этажом ниже. Всю неделю он думал о ней так много, как ни об одной знакомой девушке. Вспомнил ее голос, улыбку, привычку склонять голову к плечу и искоса смотреть на собеседника.

«Незабудка», — мысленно назвал он Марину, вспоминая голубой цвет ее наряда, и усмехнулся с горькой иронией. — Кажется, мне действительно ее не забыть. — Внутренне он противился очарованию девушки,

МАРИНА

но оно волновало так сильно, так незнакомо, что он терял самообладание. — Планета, спутником которой мне не суждено быть, ибо назначение офицера по месту работы жены не предусмотрено положением о воинской службе. А киностудий в гарнизонах и в самом деле нет.

Когда Марину провожали в Москву, Богдан попросил разрешения писать ей. Она обещала отвечать. Завязалась переписка. О многом сумели они переговорить: о детстве, о школьных годах, о зачетах и экзаменах, о прочитанных книгах, интересных спектаклях и кинофильмах. Многие узнали друг о друге, многое поняли, но ни словом не обмолвились о своих чувствах. Богдан считал, что его признание в любви будет безответным.

А Марина в каждом его письме искала хотя бы намека на то, что он скучает, ждет встречи и, не находя, молчала о своих снах, в которых всегда была с ним, о своей тоске.

Летом им встретиться не довелось: во время ее каникул он проходил практику, а когда получил отпуск, она уехала на съемку — ей предложили эпизодическую роль подростка. Зимой Юрий сказал Богдану, что Марина лежит в больнице с тяжелым переломом коленного сустава. Через неделю Богдан был в Москве. Путь от вокзала до больницы показался ему бесконечно длинным. С трудом добился он свидания: в больнице был карантин.

Увидев его на пороге палаты, Марина еле сдержала крик изумления, испуга и радости. В глазах ее заблестели слезы. Чтобы скрыть их, она отвернулась к стене. Богдан осторожно прикоснулся губами к ее руке, она,

всклипнув, тихо спросила:

— Как ты это сделал?

— Что?

— Приехал? Попал в палату? — голос Марины журчал весенним ручейком. «Ты», впервые услышанное от нее, Богдан принял, как награду за трудный путь.

— Во всех инстанциях назвался твоим женихом. Если тебе такой жених не подходит, больше никогда не позволю подобной вольности. А приехал я просить твоего согласия стать моей женой.

— Из жалости предлагаешь? — В глазах девушки блеснул недобрый огонек.

— Нет. Прошу жалости к себе. К своему мучительному чувству. Может быть, теперь, когда тебе больно, ты поймешь и мою боль.

— Садись, Дан. Пойми, несчастье мое очень серьезное. Предстоит несколько операций, но и после я могу остаться калекой.

— Лишь бы ты была живой! И со мной, — прошептал он.

Напряженно и требовательно смотрели они в глаза друг другу и говорили тихо, чтобы никто в четырехместной палате не слышал их. Богдан наклонился так близко, что Марине захотелось обнять его, прижать к себе. Она доверчиво улыбнулась. Он губами прикоснулся к ее щеке. Это испугало девушку. «Зачем? — подумала она. — Ведь еще ничего не решено. Вообразит, что уговорил меня». И Марина снова стала прежней, ершистой, насмешливой.

— Ты изменяешь принципу коневода. Ведь лошадку приобретают не только за красивую масть, от нее хотят резвости, работоспособности, выносливости. А я...

Пощечиной прозвучали эти слова. Богдан знал острый язык Марины, он любил ее письма, полные иронии и шуток, но что бы так оскорбить его, так грубо отвергнуть его признание и предложение, — он не ожидал. По его мнению отказывать нужно тактично, мягко, потому что человек признается в самом сокровенном... Обида захлестнула с такой жгучей силой, что он потерял способность думать, забыл о положении самой Марины, о том, как нелегко для нее этот час, как раздвоилось девичье сердце, наполнившись радостью от долгожданных слов любимого и горечью подозрения, что предлагает ей семейный союз из жалости, как спасательный круг утопающему. Ей хотелось, чтобы он говорил сейчас много и долго о любви своей, о радости быть всегда с ней вместе, на что она уже давно решилась, еще до своего несчастья. Даже разговаривала в институте о переводе с актерского факультета на киноведческий, который, если понадобится, можно закончить заочно.

Но Богдан ничего этого не знал. Он почувствовал, как проваливается в пропасть, не может ни за что уцепиться, чтобы удержаться, потому что все в нем окаменело.

«Зачем я приехал? Ради чего мчался сюда? Услышать еще одну насмешку? За что? Как я мог обмануться, уверяя себя, будто в письмах ее между строк прочитал о большом чувстве?».

— Марина, прости, что во-рвался и потревожил тебя. Я считал тебя умнее. Ты собираешься стать актрисой, значит должна раскрывать человеческие характеры, а ты не научилась их даже понимать. Ты глуха, слепа и жестока! Это ужаснее, чем перелом ноги. Прощай. Поправляйся. — И ушел, не оглянувшись.

А через день после возвращения в училище получил из Москвы конверт, в котором нашел две записки. Одна, короткая, от Марины: «Прости за жестокость. Раскаиваюсь и наказана справедливо. Только я не глухая и не слепая. Я хорошо знаю тебя и сильно люблю. В нашей ссоре ты тоже не святой. Ты не подумал о том, как неожиданно было для меня свидание с тобой, и признание твое, и предложение. Это вывело меня из равновесия, да еще в такое тяжелое время. Разве ты подумал о моем состоянии? Прости. Не сердись. Марина».

Второе послание было от незнакомой женщины. «Извините меня, товарищ Столбовой. Вам пишет ночная няня больницы Стеша. Марина попросила меня отправить вам письмо, опустить в почтовый ящик. А я его распечатала и прочитала. Вы можете приказать меня к ответу. Согласна. Но я объясню: сделала это потому, что видела, как Марина после свидания с вами плакала всю ночь. Я подумала, что вы нехороший человек, приехали отказаться от нее, поскольку она может остаться инвалидом. Хотела написать вам много упреков. А прочитала — и поняла, что в вашей ссоре виновата и Марина. Однако прошу вас за нее: простите девушку. Может, что и сказала она непутевое, так нужно понять, как ей тяжело. Приезжайте, примиритесь или напишите поласковее. Она скорее поправится. Только меня не выдавайте. Желая вам всего хорошего, коль вы хороший человек. Няня Стеша».

Богдан ответил телеграммой: «Я идиот, Маринушка. Казни меня, но прости. Люблю тебя еще больше и навсегда. Ждать буду сколько скажешь. Не мысля себя без моря, а море без чаек. Будь моей чайкой, Марина! Передай привет няне Стеше,

пожелай ей счастья. Всегда твой Дан».

После четырех операций и целого года лечения Марина приехала к Богдану на Дальний Восток, куда он получил назначение. Долго она носила протез оберегающий сустав от нагрузок, но подвижность в колене навсегда осталась неполной. Прихрамывает Марина и теперь.

Переезжали они много раз с Дальнего Востока на Балтику, откуда на Каспий, после окончания Богданом Военно-политической академии, вот уже восемь лет живут на Севере. Пока Богдан учился в Москве, Марина закончила ВГИК. А еще раньше родилась у них дочь. Назвали Надеждой, как символ надежды на счастливую совместную жизнь. Восемнадцать лет прожили счастливо.

Марина пишет в газеты и журналы рецензии на кинофильмы, статьи об актерах. Следит за творчеством режиссера, с которым начинала учиться в институте, собирает о нем материалы для будущей книги: хочет проанализировать и дать оценку его талантливым и всегда полемическим фильмам. В Доме офицеров она проводит обсуждение новых фильмов со зрителями, а когда кинематографисты приезжают в их край, обязательно привезет участников съемочного коллектива на свою базу.

Мысли о Марине могли бы еще долго витать в голове Богдана, но их прервал телефонный звонок.

— Товарищ капитан первого ранга, лодка Сергачева на входе. Через полчаса контрадмирал будет на третьем причале.

— Спасибо. Иду на причал.